

звезды нашего района

Лев Гумилев. Ученый с Московского проспекта

В продолжение рубрики «Звезды нашего района» сегодня мы расскажем об адресах Московского района, связанных с человеком необычной судьбы — историком, археологом, востоковедом, переводчиком, писателем (и все это в одном лице!) Львом Гумилевым.

«Мой папа — поэт, а мама — истеричка», — эту фразу (подученный Осипом Мандельштамом) любил произносить в самый неподходящий момент четырехлетний Лева, сын поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева. О судьбе ребенка великих родителей мы расскажем сегодня в рубрике «Звезды нашего района».

Ироничное выражение, которое мальчик часто бездумно декламировал, этируя гостей, к сожалению, не было пустым звуком. Отношения в семье действительно были напряженными и в итоге закончились разводом родителей по инициативе матери. Лева все детство провел у бабушки Анны Ивановны Гумилевой под Тверью, сначала в имении Слепнево, потом в Бежецке. Родители редко навещали сына, последняя такая встреча мальчика с папой состоялась в 1921 году, вскоре после чего Николай Гумилев был расстрелян по обвинению в антиправительственном заговоре.

Горечь от гибели отца и недостатка материнской любви усугубляли ссоры сверстниками. В классе мальчика считали «белой вороной», презирали за то, что он не принимал участия в общих играх, а своими знаниями и успехами превосходил остальных. В итоге школьный совет проголосовал даже за лишение Льва Гумилева как «сына контрреволюционера и классово чуждого элемента» комплекта учебников, полагавшегося каждому ученику.

Закончив школу, Гумилев переехал к Петроград, к матери, в знаменитый Фонтанный дом на Литейном, 53. В коммунальной квартире, где Анна Ахматова жила со своим новым мужем Николаем Пуниним и его бывшей семьей, Лев поселился в коридоре на деревянном сундуке. Закончив трудовую школу, куда его устроил отчим, молодой человек попытался поступить в университет, однако абитуриенту было отказано в приеме документов из-за его неподходящего социального положения. Тогда Гумилев устроился чернорабочим в трамвайное управление города «Пути и тока».

В 1931 году Лев перевелся на курсы коллегторов геологических экспедиций. Здесь в годы индустриализации все время не хватало людей, поэтому никто не обратил внимания на дворянское происхождение Гумилева, и уже в конце года он в составе экспедиции отправился в Иркутск. С этого времени экспедиции становятся обычным летним времяпрепровождением будущего ученого, самое длительное путешествие он совершил в 1932 году, тогда он 11 месяцев провел в Таджикистане и в живом общении с дехканами выучил таджикский язык (его он знал лучше всех языков, которые когда-либо изучал).

Вернувшись из экспедиции, Гумилев снова попытался поступить на исторический фа-

культет ЛГУ, на этот раз успешно. В студенческие годы Лев все время остро нуждался в деньгах, голодал, ходил в старой одежде, которую носил еще в геологических экспедициях. Непросто складывались отношения молодого человека с отчимом и матерью. Все эти тяготы жизни не могли не сказаться на успеваемости Льва, несмотря на природную талантливость, учеба (особенно иностранные языки) давалась ему трудно. Как и в школьные годы, ему сложно было стать своим среди сверстников, многие однокурсники считали его «абсолютным контриком» и «антисоветским элементом». Неудивительно, что в 1935 году Лев, вернувшись из очередной экспедиции, был взят под стражу по доносу на «антисоветские разговоры». В это же время арестовали также и отчима Гумилева. Спасительным стало письмо Анны Ахматовой, которая отважилась обратиться к самому Сталину с просьбой помиловать «двух единственно близких людей». Мольба поэтессы, любящей матери и жены, была услышана — Гумилева и Пунина освободили.

Льву с огромным трудом удалось восстановиться в университете, правда ненадолго. На одной из лекций профессор стал надсмехаться над стихотворением Николая Гумилева, что, конечно, не могло не взволновать чувств его сына —

Лев с места выступил с резким замечанием. Вскоре студент был арестован за «контрреволюционную пропаганду и агитацию», а инцидент, произошедший на лекции, был припомнен ему на первом же допросе во внутренней тюрьме НКВД.

Льва приговорили к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере. Тяжелым испытанием как для морального, так и для физического здоровья Гумилева стало мучительное ожидание пересмотра дела, путь по этапам из Ленинграда до Беломорканала, лесоповал на Онежском озере, Норильский лагерь, где во время эпидемии дизентерии и без того истощенный Лев Николаевич несколько дней провел без сознания. Несмотря на все тяготы ссыльной жизни, Гумилев не переставал заниматься наукой: он беспрепятственно что-то читал, собирал фольклорный материал среди тунгусов и кетов.

В 1943 году истек срок заключения, и Гумилев отправился на фронт, где за свои боевые заслуги был удостоен двух медалей — «За взятие Берлина» и «За победу над Германией». Вернувшись в Ленинград, наш герой вновь поселился у матери в Фонтанном доме (теперь у него была своя отдельная комната), наконец-то закончил университет экстерном, защитил дипломную работу и успешно поступил в аспирантуру в Институт востоковедения АН СССР. Казалось бы, жизнь стала налаживаться, но все резко изменило роковое Постановление 1946 года ЦК ВКП(б) о журнале «Звезда» и «Ленинград», направленное против творчества Михаила Зощенко и Анны Ахматовой. В следующем году сын опальной поэтессы был исключен из аспирантуры по причине «несоответствия филологической подготовки избранной специальности».

В 1949 году Гумилеву все-таки удалось защитить диссертацию, однако вскоре он был снова арестован. Сам Лев Николаевич потом говорил, что «до войны сидел «за папу», а после войны — «за маму». На этот раз его сослали в Казахстан, где из-за предшествующих пыток на допросах и тяжелых условий в лагере состояние здоровья Гумилева настолько ухудшилось, что он даже составил завещание. Но он совершил настоящий научный подвиг и, несмотря ни на что, продолжал заниматься этнографией даже в самых экстремальных условиях. Анна

Андреевна периодически присылала ему каталоги «Академкниги», а после разрешения получать денежные переводы он сам стал заказывать нужные издания прямо в лагерь, начал изучать персидский язык.

В 1956-м дело закрыли «за отсутствием состава преступления», однако сам обвиняемый был реабилитирован только через 10 лет. Вернувшись в Ленинград, Гумилев незамедлительно взялся за научную деятельность, он устроился работать в библиотеку Эрмитажа, где наконец-то смог обработать все материалы, собранные в годы ссылки, и в 1960 году вышла его первая фундаментальная монография, вызвавшая массу споров в научном мире, — «Хунну: Срединная Азия в древние времена». Уже через год защитил докторскую диссертацию и стал работать на географическом факультете ЛГУ.

После возвращения Гумилева из ссылки его отношения с Анной Ахматовой стали портиться. За годы разлуки мать и сын стали совсем чужими друг другу и не могли более ужиться под одной крышей, поэтому, когда Лев Николаевич получил маленькую комнатку в коммунальной квартире на Московском проспекте, он незамедлительно уехал из материнского дома. Наконец-то после долгих лет лишений и мытарств у ученого появилось свое собственное жилье.

В этот период 55-летний Гумилев встречает художницу Наталью Симоновскую, которая, бросив ради него родную Москву, работу, друзей, станет для Льва Николаевича не только преданной женой, но и надежным другом, и толковым помощником до самой смерти ученого в 1992 году. Страшные годы репрессий были оставлены позади, Гумилев наконец обрел то, к чему так долго шел, вопреки всем препятствиям судьбы — признание в научном сообществе и уют домашнего очага. Лев Николаевич становился истинно ведущим специалистом советской этнографии, вокруг него стали собираться последователи и ученики. Конечно, впереди Гумилева ожидали новые многочисленные горячие споры с отечественными учеными вокруг его концепций, но со свойственным ему терпением и упорством Лев Николаевич всегда непреклонно шел к своей цели, вопреки обстоятельствам, во имя науки.

Софья Данилова

«Комната его была... артистична»

Образ жизни Гумилева не менялся почти до середины 1960-х годов. Район, в котором он получил комнату в коммунальной квартире (Московский проспект, д. 195, кв. 218) на шестом этаже, располагался на тогдашней окраине, один только путь на работу занимал больше часа. Жена Г. Прохорова описывала комнату так:

«Комната его, хотя и была насквозь прокурена и шевелилась всеми обитавшими в ней клопами, но была удивительно уютна и даже артистична, и достигалось это всего лишь парой изящных миниатюр... и замечательным портретом Николая Степановича, прищуренный взгляд которого освещал комнату и все, что в ней происходило».

Судя по воспоминаниям жены, Гумилев ладил с обитателями коммуналки, соседи помогали ему вести хозяйство и доверяли нянчиться с детьми. В этой же квартире Гумилев принимал друзей, учеников и любимых женщин. В середине 1950-х годов он состоял в близких отношениях с Т. Крюковой, которая вычитывала корректуры статей и книг Льва Николаевича. Одновременно он вступил в связь с 18-летней Н. Казакевич (ее рабочее место в библиотеке Эрмитажа находилось напротив стола Гумилева) и Инной Сергеевной Немиловой, признанной первой красавицей Эрмитажа, замужней дамой. Их связь продолжалась вплоть до женитьбы Гумилева в 1967 году, и когда они расстались, к нему пришел муж, прося не оставлять ее. К Н. Казакевич Гумилев даже сватался, но родители были категорически против, и брак не состоялся.